

Карельские эпические руны: исполнительские практики

Мария В. Кундозерова

*Карельский научный центр РАН,
Петрозаводск, Россия, maria.vlasova@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного комплексному изучению практик исполнения карельских эпических рун в XIX–XX вв. Задачи работы – обобщить наработки предыдущих исследователей, выявить, систематизировать и описать способы исполнения эпических рун, ввести в научный оборот малоизвестные российской аудитории сведения о рунопении. Материалом исследования стали редкие и недоступные (или доступные лишь частично) русскоязычной аудитории источники с метаданными собирателей карельского фольклора: архивные коллекции по обе стороны русско-финской границы, опубликованные сборники карельских рун, путевые очерки собирателей-путешественников. Фронтальный анализ всей совокупности способов эпического рунопения и его систематизация проведены впервые. Установлено, что в карельской традиции существовало два основных способа исполнения карельских эпических рун: сольное пение, которое могло быть и мужским, и женским, и мужское пение вдвоем, которое разделяется на два варианта: торжественное исполнение руны, подразумевающее поочередное и совместное пропевание стихов одного произведения, и «состязание в пении», т. е. поочередное исполнение разных рун с целью выявления лучшего рунопевца. Сольное пение и торжественное пение руны двумя мужчинами могли сопровождаться игрой на кантеле, что является исключением из традиции. В поздний период бытования пение под аккомпанемент кантеле было вызвано к жизни сценическим исполнением руны.

Ключевые слова: карельские эпические руны, сольное пение, мужское пение вдвоем, состязание в пении, кантеле

Дата поступления статьи: 10 декабря 2024 г.

Дата одобрения рецензентами: 11 января 2025 г.

Дата публикации: 26 сентября 2025 г.

Для цитирования: Кундозерова М.В. Карельские эпические руны: исполнительские практики // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 3. С. 82–102. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-3-82-102

Karelian epic runes: performing practices

Maria V. Kundozerova

*Karelian Research Centre of RAS,
Petrozavodsk, Russia, maria.vlasova@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of a study devoted to a comprehensive study of the practices of performing Karelian epic runes in the 19th–20th centuries. The objectives of the work are to summarize the work of previous researchers, identify, systematize and describe the methods of performing epic runes, and introduce into scientific circulation little-known information about runosinging to the Russian audience. The material for the study was rare and inaccessible (or only partially accessible) to the Russian-speaking audience sources with metadata of collectors of Karelian folklore: archival collections on both sides of the Russian-Finnish border, published collections of Karelian runes, travel essays of collectors-travelers. A frontal analysis of the entire set of methods of epic runosinging and its systematization were carried out for the first time. It has been established that in the Karelian tradition there were two main ways of performing epic runes: solo singing, which could be either male or female, and two men singing, which is divided into two variants: ceremonial performance of the rune, which implies alternate and joint singing of verses of the same rune, and a “singing competition”, i. e. alternate performance of different runes in order to identify the best runosinger. Solo singing and ceremonial singing of the rune by two men could be accompanied by playing the kantele, which is an exception to the tradition. In the later period of its existence, singing accompanied by kantele was brought to life by the rune stage performance.

Keywords: Karelian epic runes, solo singing, singing of the rune by two men, singing competition, kantele

Received: December 10, 2024

Approved after reviewing: January 11, 2025

Date of publication: September 26, 2025

For citation: Kundozerova, M.V. (2025), “Karelian epic runes: performing practices”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 3, pp. 82–102, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-3-82-102

Введение

Карельские руны представляют собой совокупность фольклорных произведений разных жанров. В зависимости от содержания, функции, включенности в обряд среди них выделяются руны эпические, балладные, лирические, заговорные, свадебные и пр. Все эти произведения объединяет единая руническая метрика, возникновение которой относится исследователями к I тыс. н. э. [Siikala 2012, ss. 440–441]. Традиция исполнения рун именуется *рунопением*, хотя и не все жанровые разновидности рун исполнялись пением (например, руны заговорные исполнялись и речитативом, малоразборчивым шепотом, руны кумулятивные – скороговоркой и т. д.). Руны, как и другие жанры фольклора, бытовали и передавались из поколения в поколение исключительно изустным путем. Рунопение было широко распространено в карельской крестьянской среде. Всеобщность этого явления по обе стороны границы отмечал финский священник Якоб Фельман в 1829 г.: «Чем ближе я был к возвышенности Маанселькя (водораздел на границе с Финляндией. – М. К.), тем более распространено было рунопение. Если я был в доме, то оно доносилось с улицы, а если я был на дворе, то оно слышалось из дома. Когда я, ожидая попутную повозку, просил жильцов попеть руны, они исполняли их за небольшую плату в несколько копеек – и молодые, и старые, и мужчины, и женщины <...>. Этот способ исполнения рун – у женщин, когда они прядут, у мужчин, когда они вяжут сеть или когда заняты другими более легкими делами или находятся в пути, – я отметил уже в Ярвеля, откуда это продолжилось на российской стороне до деревни Ювялакши (деревня на озере Верхнее Куйтто. – М. К.) и на том закончилось»¹.

Особое место среди жанров рунической поэзии занимают эпические руны, традиция исполнения которых и стала предметом нашего исследования. Карельские эпические руны – один из самых архаичных жанров карельского фольклора. Они повествуют о приключениях героев, об их участии в создании мира, о странствиях в иные миры за невестами, о создании и похищении первых культурных благ. Карельские эпические руны представляют собой произведения малой эпической формы, объем которых может варьироваться от нескольких десятков до нескольких сотен стихов. Исполнялись эпические руны пением во время домашних работ, на отхожих промыслах и в часы досуга, на праздниках, при

¹ *Fellman J.* Anteckningar under min vistelse i Lappmarken I. Helsingfors, 1906. P. 496–498. Цит. по изданию: [Enäjärvi-Haavio 1949, s. 75]. Перевод М.В. Кундозеровой.

большом скоплении людей. Помимо очевидной развлекательной функции, ставшей доминирующей в более позднее время, исполнение эпических рун имело целью сохранение и передачу сакральных мифолого-исторических знаний из поколения в поколение [Siikala 2012, s. 101].

Сегодня эпические руны в народном бытовании не встречаются: в связи с уходом рунопевческого поколения и развитием информационных технологий прервалась традиция передачи знаний внутри определенного коллектива (например, семьи или артели). Рубеж, после которого эпические руны можно было записать в народе лишь фрагментарно, – 1970–1980-е гг. Однако сегодня карельские эпические руны продолжают жить в сценическом формате по обе стороны границы – в Карелии и Финляндии. Для этого в нашей и соседней стране есть разные предпосылки², но объединяет современных исполнителей рун и других традиционалистских жанров то, что путем обращения к авторитетным формам фольклора они приобретают символический авторитет, а вместе с этим, как отмечают американские исследователи Ч. Бриггс и Р. Бауман, – социальную власть и силу [Briggs, Bauman 1992, p. 50].

В данной статье представлены результаты исследования, посвященного комплексному изучению практик исполнения карельских эпических рун в XIX–XX вв. Задачи работы – обобщить наработки предыдущих исследователей, выявить, систематизировать и описать способы исполнения эпических рун, ввести в научный оборот малоизвестные российской аудитории сведения о рунопении (все переводы с финского языка на русский выполнены автором статьи, если не указано иное). Материалом исследования стали редкие и недоступные (или доступные лишь частично) русскоязычной аудитории источники с метаданными собирателей карельского фольклора: архивные коллекции по обе стороны русско-финской границы³, опубликованные сборники карельских рун (например, SKVR), путевые очерки собирателей-путешественников (Дж. Ачерби⁴, А.Ф. Шёльдебранда⁵, Л. Спарре⁶,

² О современном рунопении в Карелии и Финляндии см. статью [Кундозерова 2025].

³ Рукописный научный архив Карельского научного центра РАН, Фольклорный архив Финского литературного общества (Хельсинки).

⁴ *Acerbi J. Travels through Sweden, Finland and Lapland to the North Cape. L.: Joseph Mawman, 1802.*

⁵ *Skjöldebrand A.F. Voyage pittoresque au Cap Nord. Stockholm, 1801–1802.*

⁶ *Sparre L. Kalevalan kansaa katsomassa. Porvoo, 1930.*

Э. Лённрота⁷, И. Хяркёнена⁸ и др.). Фронтальный анализ всей совокупности способов эпического рунопения и его систематизация проведены впервые.

Способы исполнения эпических рун никогда не становились предметом отдельного изучения в трудах отечественных филологов-фольклористов, поскольку предпочтение отдавалось исследованию сюжетных коллизий, образов, отражений исторических периодов в текстах рун, связей с поэмой «Калевала», публикации собственно фольклорных текстов и пр. Кроме общеизвестного факта о том, что эпические руны, равно как и эпические песни любого другого народа, пелись, в работах сложно найти хоть какое-то более развернутое описание процесса рунопения. В единичных случаях встречаются довольно общие упоминания о контексте исполнения рун, например: «Из поколения в поколение пели руны во время досуга, отдыхая от тяжелого труда» [Куусинен 1950, с. 7]. Единственная научная работа, которая затрагивает тему исполнения эпических рун – статья У. С. Конкка и А.П. Конкка «Архиппа Перттунен и Элиас Лённрот: так создавалась “Калевала”» [Конкка, Конкка 2010]. В ней рассматриваются данные Э. Лённрота о рунопении из его путевого дневника за 1834 г.; свидетельства других собирателей привлекаются лишь частично. Интересны наблюдения авторов относительного «состоязания в пении» как части древних календарных ритуалов, в связи с чем затрагивается вопрос обрядовой роли эпической поэзии.

Разные аспекты бытования рунопевческой традиции, в том числе и способы исполнения эпических рун, исследовались в трудах некоторых зарубежных ученых. Однако либо сосредоточенность на каком-то одном способе пения (торжественное мужское пение вдвоем [Enäjärvi-Haavio 1949; Эняярви-Хаавио 2024]), либо ограниченность материала, анализ которого приводит к неточным выводам (в частности о том, что в Карелии не бытовало пение вдвоем [Virtanen 1967, s. 40]), либо же слишком широкий прибалтийско-финский контекст изучения рунопевческой традиции [Siikala 2012] не дают полного и систематизированного представления о практиках исполнения эпических рун в Карелии. Решению этой проблемы и было посвящено исследование.

Особую актуальность тема приобретает в свете современного изучения феномена «постсказительства» [Петров 2023, с. 110]

⁷ Elias Lönnrotin matkat. 1. Helsinki: SKS, 1902.

⁸ *Härkönen I.* Piirteitä karjalaisista runonlaulajista // Valvojan Kalevalaviihko. Helsinki, 1909. S. 36–38; *Idem.* Runolaulajia. Vanhan runon viimeinen miespolvi itäisellä Suomenäällä. Helsinki, 1926.

на примере эпических традиций разных народов⁹, а также в связи с ростом общественного и научного интереса к рунической поэзии и путям ее репрезентации в рамках проведенного в Карелии в 2021 г. Года карельских рун [Иванова, Миронова 2023] и необходимостью включения карельских рун в Федеральный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации¹⁰. В ходе работы удалось установить и исправить ряд неверных представлений, связанных с рунопением, укоренившихся в массовой культуре, благодаря чему полученные результаты обладают не только научной новизной, но и высокой практической значимостью и могут быть использованы всеми, кто обращается к реконструкции традиционного карельского рунопения.

Способы исполнения карельских эпических рун

Одним из основных способов исполнения эпических рун было *сольное пение*. Подтверждением этому является практически каждая полевая запись эпической руны – произведения исполнялись одним певцом или певицей¹¹. До середины XX в. среди эпических сказителей преобладали мужчины. Одно из ярких описаний мужского сольного пения содержится в работе шведского писателя Луиса Спарре «Наблюдая за народом Калевалы», написанной по результатам поездки в Беломорскую Карелию в 1892 г. Случай произошел в дер. Большая Ногеекса недалеко от современной Костомукши. Путешественники попросили одного местного жителя – 60-летнего Риикко спеть им руну. Спарре пишет: «Его грубый и громкий голос звучит довольно жутко в темной избе. Сам он очень подходит к тому, о чем поет, – длинноволосый старик в белой грубой одежде в холодном ночном освещении, косо

⁹ См. подборку статей по современному эпосу: Шаги/Steps. 2025. Т. 11. № 1.

¹⁰ Федеральный закон № 402-ФЗ от 20.10.2022 «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ № 1277 от 03.08.2023 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации».

¹¹ См. материалы электронного фонда Фольклорного архива Финского литературного общества. URL: <https://runoregi.rahtiapp.fi> (дата обращения: 05.12.2024), а также: Карельские эпические песни: Каталог рукописного фонда Научного архива Карельского научного центра РАН / сост. Э.П. Кемпинен. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1999. 83 с.

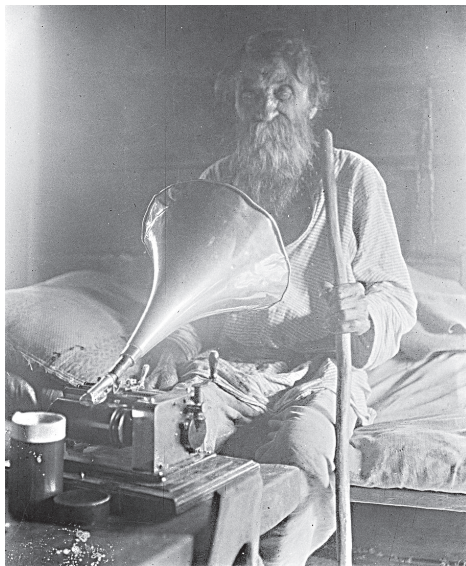

Рис. 1. Пуавила Яманен поет на фонограф. С. Ухта, Беломорская Карелия, 1915 г. Фото А.О. Вяйсянена. *Museovirasto, Suomalais-ugrilainen kuvakokoelma, SUK129:42*

просачивающемся сквозь оконное отверстие. <...> Старик сидит согнувшись, руки на коленях, раскачивая свое тело медленно вперед-назад и кивая головой в такт»¹².

В данном отрывке показана ситуация, привычная для экспедиционных будней собирателей: рунопевец, отложив все свои дела, поет, а иногда и просто диктует руну для записи (рис. 1). В обычной жизни сольное пение было вписано в повседневность большой карельской семьи: по вечерам, когда вся семья собиралась вместе, исполнитель пел руны, совмещая это с домашним трудом. Существует много свидетельств такого исполнения [Virtanen 1967, ss. 17–20]. Например, по сообщению финского собирателя Борениуса в 1872 г., Теро Кормилайнен из Ухты (ныне пос. Калевала Калевальского района) «длинными вечерами, когда вязал сеть в свете лучины, пел руны детям своего брата, рассказывал сказки, загадывал загадки»¹³. Таким образом руны передавались по наследству от старшего поколения младшему, и именно это обеспечивало

¹² Sparre L. Kalevalan kansaa katsomassa: muistiinpanoja Kauko-Karjalan retkeltä v. 1892. Porvoo: WSOY, 1930. S. 92.

¹³ Niemi A.R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1921. S. 37.

наибольшую сохранность традиции. Возможность для сольного пения представлял также процесс укачивания ребенка. Согласно полевым наблюдениям Н.А. Лавонен в 1970–1980 гг., «в качестве колыбельных детям исполняли также эпические и лиро-эпические песни, называя их детскими» [Лавонен 2020, с. 71]. Сольное рунопение практиковалось и на отхожих промыслах – на рыбалке (непосредственно в лодке¹⁴ и по вечерам у костра¹⁵ или в избушке¹⁶), на сенокосе¹⁷, разделывании пожоги [Salminen 1934, ss. 56–57], в походах корабейников¹⁸ и т. д.

В качестве доказательства того, что именно сольное пение было наиболее устоявшимся и распространенным способом исполнения рун еще до того, как основная волна собирателей настигла карельских рунопевцев в XIX в., финская исследовательница Л. Виртанен рассматривает показания самих исполнителей: они могли поименно назвать того, от кого они выучили то или иное произведение, например, «от отца, матери, Ондreja Лютсю, от лопаря в Финляндии» [Virtanen 1967, ss. 41].

Исполнялось ли *сольное пение под аккомпанемент кантеле* – вопрос непростой и мало изученный. В массовом сознании кантеле является неотъемлемой частью образа рунопевца. Это транслируют нам многие известные скульптуры и фотографии, на которых рунопевцы держат на коленях или в руке кантеле. Представление о рунопевце-кантелисте закрепилось во многом благодаря художественному образу эпического героя Вяйнямёйнена, поющего и играющего на кантеле.

Между тем, как отмечает Н.С. Михайлова, исследовательница инструментальной культуры Карелии, «игра на кантеле служила преимущественно сопровождению танцев или же исполнялась для слушания. Репертуар кантелистов состоял из характерных прелюдий, переборов и танцевальных мелодий» [Михайлова 2019, с. 263]. Автор заключает, что, по всей вероятности, традиция исполнения рун под сопровождение кантеле если и бытовала ранее, то к XIX столетию уже практически исчезла [Михайлова 2019, с. 264].

С точки зрения прагматики сольного рунопения в условиях домашнего быта исполнение руны под кантеле представляется

¹⁴ Virtaranta P. Vienen kansa muistele. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1958. S. 14.

¹⁵ Elias Lönnrotin matkat. 1. S. 221–222.

¹⁶ Paulaharju S. Kuva tuolta, toinen täältä kautta Suur-Suomen. Helsinki, 1919. S. 45.

¹⁷ Jyrinoja V. Akonlahden arkea ja juhlaa. Turku: Turun sanomalehti ja kirjapaino OY, 1965. S. 58.

¹⁸ Niemi A.R. Vienen läänin runonlaulajat ja tietäjät. S. 91.

невозможным: руки исполнителя во время пения заняты вязанием, плетением, строганием и т. д. Лишь с выходом традиции рунопения на сцену, когда в финских городах Хельсинки и Сортавале на рубеже XIX и XX вв. начали проводить большие песенные праздники, в народной среде стали появляться исполнители, которые в своем творчестве объединяли навыки рунопевца и кантелиста одновременно. К примеру, от жителя Суйстамо Ииваны Мишукка в 1916–1917 гг. были записаны песни, которые он исполнил под собственную игру на 30-струнном кантеле. По его признанию, он перенял обычай аккомпанировать пение игрой на кантеле в Финляндии, куда он отправлялся в так называемые гастрольные туры выступать с исполнением рун [Väisänen 1948, ss. 216–217].

Как отмечает финский музыковед А.О. Вяйсянен, данных и записей о сопровождении своего пения игрой на кантеле, когда певец сам поет и сам же себе аккомпанирует, сохранилось очень мало, и те сделаны на территории Финляндии [Väisänen 1948, s. 222]. Исполнителей, которые могли сами петь и сами же себе подыгрывать, было в действительности очень мало (например, Юсси Хуовинен (1924–2017) – «последний карельский рунопевец Финляндии» – был частым гостем рунопевческих мероприятий и иногда при исполнении руны аккомпанировал себе на пятиструнном кантеле). Поэтому сольное рунопение под аккомпанемент кантеле является скорее исключением из традиции.

Другой способ исполнения эпических произведений – это *мужское пение вдвоем*. Сведений о подобном рунопении в Карелии мало, все они принадлежат перу финских собирателей XIX в., отечественные исследователи в XX в. такого способа пения уже не застали. Важно отметить, что финские собиратели, отправляясь в Карелию за рунами, уже были знакомы с мужским пением вдвоем благодаря работе финского ученого Х.Г. Портана. В 1778 г. в Финляндии была опубликована четвертая часть его латиноязычной диссертации «О финской поэзии», и в ней содержалось первое полное описание мужского рунопения вдвоем, признанное *классическим* [Siikala 2012, s. 97]: «Наши крестьянские песнопевцы до сих пор следуют довольно самобытному обычаю исполнения рун, унаследованному от своих дедов. А именно – двое торжественно поют, а вокруг – слушатели, которые, наострив уши, стоят рядом. Певец, или Главный, который либо поет лучше, либо старше и авторитетнее других <...>, берет себе второго в качестве Подпевающего. И они поют по очереди таким образом: когда первый допоеет до третьего слога с конца или до последней стопы, то второй присоединяется к пению (так как легко по смыслу и метрике определяет последнюю стопу), и они вместе допевают строку до конца. После этого второй певец один повторяет эту строку,

немного изменив мелодию, как будто он выражает свое согласие. В это время главный певец молчит, пока второй опять не дойдет до последней стопы, которую они оба затем в один голос пропевают. После этого главный певец поет следующую строку, которую подпевающий тем же способом повторяет, и так продолжается до конца руны. <...> За то время, пока подпевающий повторяет строку, главный певец обдумывает и komponует следующую строку. С таким заданием может справиться только самый опытный сказитель, у которого живое и богатое воображение. <...> Певцы сидят или рядом друг с другом, или напротив друг друга так близко, что могут соединить вместе правые руки и колени (разумеется, один – правое, другой – левое колено), на которые они опирают сложенные вместе руки; и во время пения они медленно раскачиваются, как будто хотят дотронуться своей головой до головы другого, их лица (тогда) задумчивые и серьезные. Очень редко они поют стоя, а если иногда случается, что в порыве воодушевления они начинают петь стоя, то они скоро все же присаживаются, держа (правую) руку в руке и продолжают петь привычным способом. Такую торжественную песню исполняют чаще всего на празднествах, на которых присутствует будоражащий умы даритель радости Бахус. Поэтому часто случается видеть рядом с певцами чашу с пивом, из которой они, по обычаю, после завершения песни или, начиная новую, отпивают, чтобы набраться сил. Зачастую они не начинают петь, пока дух не взбодрится от даров Бахуса. И стихи обычно не кончаются у таких певцов; они продолжают это веселье частенько до поздней ночи»¹⁹.

Главными деталями этого классического описания являются торжественность ситуации, наличие слушателей, двое исполнителей (главный и подпевающий), их поза – рядом или напротив друг друга, сложенные вместе *правые* руки, покачивание тел, поочередное и совместное пропевание стихов *одной* руны, чаша с напитком для смачивания горла.

Учитывая живость описания, считается, что Портан действительно мог быть свидетелем такого рунопения в Финляндии в XVIII в. [Enäjärvi-Haavio 1949, ss. 27–28]. Тот факт, что описание составлено автором на основе полевых данных из финских регионов Саво, Карелия и Остроботния, показывает, что оно не имеет прямого отношения к традиции рунопения, бытовавшей на территории российской Карелии (Л. Виртанен по этой причине даже исключила это описание из материалов своего исследования, посвященного карельской рунопевческой традиции

¹⁹ Porthan H.G. De poësi Fennica. Particula quarta. Aboæ, 1778. Цит. по: [Enäjärvi-Haavio 1949, s. 18–20].

[Virtanen 1967, s. 6]). Тем не менее рассказ Портана посредством его усваивания другими путешественниками-писателями, собирателями и художниками впоследствии оказал и продолжает оказывать большое влияние на развитие представлений о традиции рунопения в Карелии.

Первым, кто описал варианты мужского рунопения вдвоем в путевых записках, связанных непосредственно с Карелией, был Элиас Лённрот. Знаменитый рассказ представлен в его путевом очерке 1834 г., когда он побывал в окрестностях дер. Вокнаволок и встретил карельского рунопевца Архиппу Перттунена. Лённрот пишет: «Возможно, кому-то интересно будет узнать, как хороший певец исполняет руну. Находясь в одиночестве, он может петь и один, но если певцов двое, как того требует более торжественное рунопение, то они садятся друг напротив друга или рядом, одновременно берут друг друга за руки и начинают песню. Тело во время пения покачивается туда-сюда, и создается впечатление, что они по очереди притягивают друг друга к себе. Один сначала пропевает руническую строку, на последнем такте которой второй присоединяется к пению и повторяет заново всю строку. Пока он ее повторяет, у первого есть время обдумать следующую строку. И таким образом они продолжают петь независимо от того, поют ли уже известную песню или сочиняют новую»²⁰. Варианты этого рассказа были опубликованы на шведском языке (в газетных статьях²¹, собрании сочинений Лённрота²²) и на финском языке – в предисловии к сокращенной «Калевале» 1862 г.²³

Э. Энъярви-Хаавио на основе текстологического анализа сочинений Лённрота и приведенного выше описания Портана пришла к выводу, что Лённрот в своих описаниях опирался на текст последнего [Enäjärvi-Haavio 1949, s. 86]. Это положение признано финскими [Virtanen 1967, s. 7; Kajanto 1983, s. 22; Siikala 2012, s. 108] и российскими [Конкка, Конкка 2010, с. 93] исследователями. Вероятно, сам Лённрот такого исполнения не видел, но слышал о нем непосредственно в Карелии. Это подтверждают и другие записи путешественника. В том же путевом очерке 1834 г. Лённрот приводит слова Архиппы Перттунена о том, как раньше пел его отец: «Когда мы, – говорил он, – на рыбалке отдыхали у костра

²⁰ Elias Lönnrotin matkat. 1. S. 223.

²¹ Helsingfors Morgonblad. 1835. Nr 59–60; Litteraturblad. 1858 (точный номер неизвестен, цит. по: [Enäjärvi-Haavio 1949, s. 81]).

²² Elias Lönnrots svenska skrifter. Ä. 2: Bref, anteckningar och reseskildringar / Utg. af Jenny af Forselles. Helsingfors, 1911. P. 210–212.

²³ Kalevala. Lyhennetty laitos. Tärkeämmillä selityksillä koulujen tarpeeksi varustanut Elias Lönnrot. Helsinki, 1862.

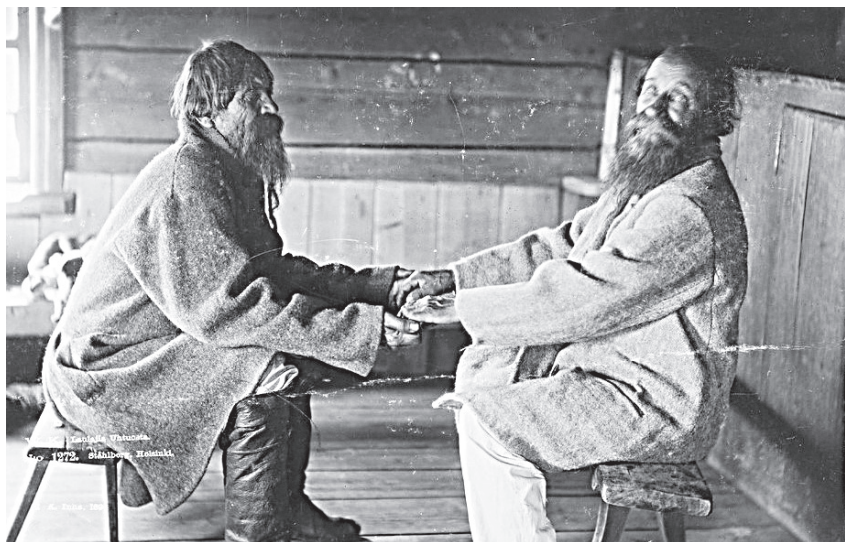

Рис. 2. Братья Яманен поют руну. Поза, которая не находит подтверждения в песенной среде Беломорской Карелии.
С. Ухта, Беломорская Карелия, 1894 г. Фото И.К. Инха.: *Museovirasto, Suomalais-ugrilainen kuvakokoelma, SUK5:44*

на берегу озера Лапукка, вот где вам нужно было бы побывать! У нас был тогда один местный помощник, тоже хороший певец, но не такой славный, как отец. Часто ночи напролет они рука в руке пели у огня и никогда не повторяли дважды одну и ту же руну»²⁴.

Случай мужского рунопения вдвоем – с главным певцом и подпевающим – описывает и другой финский собиратель, современник Лённрота, К.А. Готтлунд. 2 сентября 1859 г. во время экспедиции по изучению древностей он прибыл в дер. Нярья прихода Кухмо (Финляндия). Там он встретил 25 коробейников из Архангельской губернии, которые держали путь на ярмарку в Тампере. Их встреча произошла во время обеда, за столом. Готтлунд пишет в своем дневнике: «Поскольку среди них было много рунопевцев, то после еды я предложил одному из них с помощью подпевающего исполнить длинную руну о рождении змеи, чтобы местный народ смог услышать пение подобного рода»²⁵.

В 1894 г. финский фотограф и исследователь И.К. Инха в Ухте запечатлел на фотоаппарат братьев Яманен, которые исполняют руну (рис. 2). Инха отмечал, что эта поза, в которую братья

²⁴ Elias Lönnrotin matkat. 1. S. 221–222.

²⁵ Niemi A.R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. S. 91.

сели по его просьбе, была им незнакома²⁶. В письме Карлу Крону, основоположнику финской школы фольклористики, в феврале 1920 г. Инха писал: «Далеки уж те времена, когда я <...> путешествовал по Беломорской Карелии, но точно помню, что песня братьев Яманен была сконструирована по иллюстрации из “Калевалы”. Мы спрашивали об этом и во многих других местах <...> и выяснили, что такой способ пения в Беломорской Карелии неизвестен. Если я правильно помню, говорили, что там пели так: певцы сидят напротив друг друга по разные стороны стола, правая рука одного в левой руке другого, локти на столе, чтобы вторая рука могла свободно поднимать чарку с водкой»²⁷. Таким образом, Инто Конрад Инха лично не видел мужского рунопения вдвоем, но слышал об этом рассказы от местного населения. Фраза о том, что «такой способ пения в Беломорской Карелии неизвестен» относится лишь к той позе пения, в которой сидят на фото недоумевающие братья Яманен. В рассказе Инхи актуализируются две существенные детали торжественного рунопения: соединение одной пары рук и смачивание горла певцов.

Те же детали подчеркиваются и в рассказе 1909 г. финского исследователя Ииво Хяркёнена, выходца из карельского рунопевческого рода Приладожья: «На праздниках и в гостях серьезность и суровость у певца все-таки исчезает. Там он присоединяется к какому-нибудь другому “острому на язык человеку” <...>. Во время застолья вспоминают былые приключения и подвиги (добычу медведя и пр.), прошлые праздничные пирушки, светлые эпизоды ушедших лет и вскоре – под одобряющие взгляды и улыбки присутствующих – плавно переходят к пению. <...> Лоб они опирают на ладонь одной руки, вторую руку кладут на плечо товарищу и весь общий для двоих мужчин песенный короб опустошают за раз»²⁸.

В 1884 г. в Южной Карелии, в деревнях Туломозерской волости, побывал еще один финский собиратель Х. Базилиер. В деревне

²⁶ *Inha I.K.* Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa: kuvaus Vienan Karjalan maasta, kansasta, siellä tapahtuneesta runonkeruusta ja runoista itsestään. Helsinki: Kansanvalistusseura, 1911. S. 267–268. 2-е изд.: *Inha I.K.* Kalevalan laulumailta: Elias Lönnrotin poluilla Vienan Karjalassa: kuvaus Vienan Karjalan maasta, kansasta, siellä tapahtuneesta runonkeruusta ja runoista itsestään. Helsinki: Tietosanakirjaosakeyhtiö, 1921. S. 268.

²⁷ Письмо И.К. Инхи Карлу Крону. 11.02.1920 г. Коллекция писем № 109, Финское литературное общество. Цит. по: [Enäjärvi-Haavio 1949, s. 99].

²⁸ *Härkönen I.* Piirteitä karjalaisista runonlaulajista // Valvojan Kalevalavihko. Helsinki, 1909. S. 36–38.

Каннила он записал несколько рун от двух рунопевцев – Стефана Васильева, портного из Суоярви, и Ондreja Егорова, кузнеца из Каннилы. Как отмечает собиратель, Стефан был главным певцом, Ондрей ему подпевал (SKVR II 179).

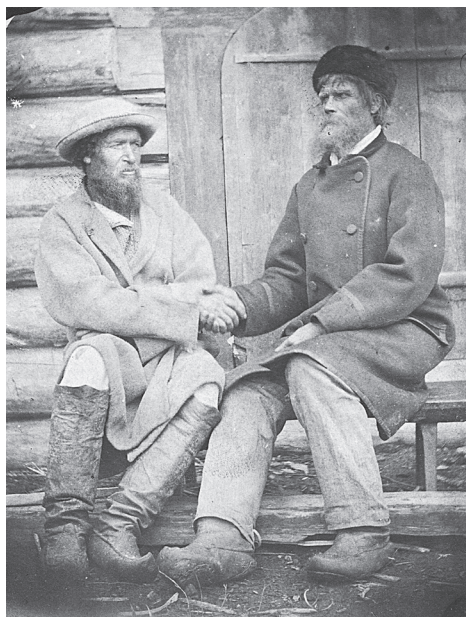
Известный приладожский сказитель Петри Шемейкка (родом из деревни Мюсюсваара), чей образ послужил прототипом для памятника рунопевцам в Сортавале, предпочитал исполнять руны в сопровождении подпевающего. Главным компаньоном Петри при исполнении руны был его двоюродный брат Иивана Шемейкка, который к тому же был и превосходным кантелистом. О том, что они пели вдвоем, пишет в воспоминаниях о поездке по Приладожской Карелии в 1893 г. И.К. Инха: «Вечером из деревни пришли и другие мужчины, и мы вновь оказались в центре оживленного собрания. Тогда во дворе начали рунопение. Дед Педри пел свои песни, а Иивану Шемейкка приставили к нему в качестве подпевающего»²⁹. Петри и Иивана выступали вдвоем на песенных праздниках [Siikala 2012, s. 109] (например, в Сортавале в 1896 г., в Хельсинки в 1900 г.). Для Х. Базилиера в 1884 г. Петри Шемейкка пел вместе с Сампсо Вилоккини (родом из соседней деревни, оставшейся неизвестной) (SKVR VII₁ 914). В воспоминаниях финна Аату Куронена, который навестил Петри в 1908 г., рунопевец согласился на предложение спеть, но попросил для себя помощника-подпевающего (кто будет повторять стихи). Когда из домашних никого не нашлось, он взял в помощники самого гостя³⁰. В тех случаях, когда Петри в одиночку исполнял руны специально для собирателей (например, для Армаса Лауниса в 1905 г.), он сам повторял каждый стих – так, как это сделал бы подпевающий [Siikala 2012, s. 109]. Фонограммзапись такого исполнения хранится в фольклорном архиве Финского литературного общества; опубликована на официальном сайте организации³¹.

По наблюдениям А.-Л. Сиикала, изучившей записи Фонограммархива Финского литературного общества в Хельсинки, повторное пропевание стиха было характерно для более ранних звуковых записей, на которых чаще всего представлено мужское пение. На записях 1930-х гг. эта особенность встречается гораздо реже [Siikala 2012, s. 109].

²⁹ *Inha I.K.* Suomen maisemia näkemänsä mukaan kuvailut. Porvoo: WSOY, 1909. S. 167.

³⁰ *Kuronen A.* Petri Shemeikan pakinoilla // *Karjalan kävijä*. 1909. 20.08. Nr 8. S. 110–111.

³¹ *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*. URL: https://www.finlit.fi/wp-content/uploads/2023/11/fonokop002_05.mp3 (дата посещения: 05.12.2024).

*Рис. 3. Самая первая фотография исполнения руны.
Юрки (слева) и Охво Малинены держат друг друга за правую руку.
Дер. Войница, Беломорская Карелия, 1872 г.
Фото А. Бернера. SKS KRA, Axel Bernerin kokoelma*

Итак, в рассказах собирателей описывается традиция торжественного мужского пения вдвоем – когда главный певец и подпевающий исполнитель поочередно стихи одной руны, а именно главный певец пропевает стих, а подпевающий его повторяет. Некоторые описания помимо торжественности ситуации, наличия слушателей и напитка для смачивания горла акцентируют телесную близость исполнителей: они сидят рядом или напротив друг друга и соединяют, как правило, правые руки (рис. 3). Это единение не столько означало братские отношения, сколько показывало, что рунопение высоко ценилось в крестьянском сообществе [Siikala 2012, s. 101].

Мужское пение вдвоем могло сопровождаться игрой на кантеле. Х.Г. Портан отмечал: «Когда наши земляки развлекаются традиционным пением, они часто сопровождают его игрой на кантеле. Если находят искусного музыканта, то он подыгрывает певцам на струнном инструменте. Если поет только один, то кантелист исполняет роль подпевающего и повторяет на кантеле мелодию, за которую обычно отвечает подпевающий; в это время

Рис. 4. Рисунок в произведении Дж. Ачерби.
Подпись: «Необычный способ пения у финнов»

главный певец молчит»³². Важный момент здесь заключается в том, что рунопевец и кантелист – это разные люди, их роли разделены. Известной иллюстрацией портановского описания рунопения является рисунок (рис. 4) итальянского путешественника Дж. Ачерби³³. Единственное отличие иллюстрации от описания Портана заключается в том, что в описании рунопевцы держат друг друга за правую руку, на изображении – за обе³⁴. Именно этот рисунок с двумя рунопевцами и кантелистом в последней трети XIX в. стал издаваться в Финляндии в приложении

³² *Porthan H.G. De poësi Fennica*. Цит. по: [Enäjärvi-Haavio 1949, ss. 20–21].

³³ Рисунок см.: *Acerbi J. Travels through Sweden, Finland, and Lapland to the North Cape, in the years 1798 and 1799*. Vol. 1. L.: Joseph Mawman, 1802. P. 226.

³⁴ Каким образом появилась эта неточность в изображении и как она легла в основу национального «мифа» о способе исполнения рун двумя певцами, взявшимися за обе руки, подробно рассматривается в работе [Enäjärvi-Haavio 1949, s. 5–133]; см. перевод на русский язык [Эняярви-Хаавио 2024].

к «Калевале» в качестве иллюстративного материала³⁵, благодаря чему успешно внедрился в сознание финского читателя как единственно правильный способ рунопения, а с конца XIX в. вместе с публикацией переводов «Калевалы» на русский язык³⁶ – в сознание читателя российского.

Несколько иной способ торжественного мужского пения вдвоем – *состязание в пении*, на отличительную черту которого ранее не обращалось внимания, содержится в упомянутом путевом дневнике Э. Лённрота о поездке 1834 г.: «По большим праздникам, когда собирается сразу несколько певцов, между ними порой возникают состязания. Знакомые и друзья с обеих сторон бьются об заклад, кто из певцов окажется победителем. <...> Побеждает не тот, чьи песни лучше, а тот, кто больше пропоет. Сначала один исполняет какую-нибудь руну, на которую другой отвечает руной примерно такой же длины. Затем опять очередь за первым, и так пение продолжается. Если у одного песни иссякли, а другой еще продолжает петь, последнего признают победителем. Когда певцы посредственные, то тут можно вдоволь посмеяться над их усилиями сказать последнее слово. Такое состязание напоминает драку двух куриц: побеждает та, что дольше прокудахчет»³⁷.

Данный рассказ в путевом очерке Лённрота следует сразу после довольно общего описания традиции мужского рунопения вдвоем. Между двумя этими описаниями есть принципиальная разница. В первом варианте описывается ситуация, когда рунопевцы исполняют одну руну, то есть поочередно поют стихи одного произведения, и при этом описывается поза – рядом или напротив друг друга и держась за руки. Во втором же варианте представлено соревнование: певцы состязаются в пении, то есть поют каждый свою руну по очереди с целью выявить победителя – лучшего рунопевца; о позе исполнения в этом случае ничего не сказано. Это отличие показывает нам, что вариантов мужского рунопения вдвоем было как минимум два.

³⁵ Впервые опубликован в приложении к «Калевале»: Kalevala. Kolmas helpohintainen, selityksillä ja kuvilla varustettu painos. Helsinki, 1887.

³⁶ Рисунок впервые появляется в издании: Калевала. Финская народная эпопея. Для юношества передал Э. Гранстрём. 2-е изд., перераб. СПб.: Тип. И. Литвинова, 1898. 368 с.

³⁷ Elias Lönnrotin matkat. 1. S. 223. В этом месте перевод процитирован по изданию: Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842 гг. / пер. с фин. В.И. Кийранен, Р.П. Ремшуевой; стихи в пер. О. Мишина; науч. ред., авт. вступ. ст., примеч. У.С. Конкка. Петрозаводск: Карелия, 1985. С. 134–135.

Во втором варианте также подчеркивается торжественность и праздничность обстановки, наличие слушателей, но состязание проходит между рунопевцами из разных деревень. Как отмечают У.С. Конкка и А.П. Конкка, состязания певцов стояли, вероятно, в одном ряду с различными играми, танцами и увеселениями, носившими характер соревнования, без которых не обходился практически ни один крупный праздник. Победитель соревнований «наделялся часто почетным титулом, пользовался репутацией удачливого во всех начинаниях человека <...>. В подобном отношении к победившему проявляются древние представления: победитель в ритуальном состязании – человек, пользующийся особым расположением сверхъестественных сил. Особое значение победе в состязании придавалось в период смены календарных циклов, во время годовых праздников, когда все человеческие ценности и весь мир как бы сотворялся заново» [Конкка, Конкка 2010, с. 94].

Заключение

Таким образом, на рассмотренном материале выделяется два основных способа исполнения карельских эпических рун: *сольное пение*, которое может быть и мужским, и женским, и *мужское пение вдвоем*, которое разделяется на два варианта: *торжественное исполнение руны*, подразумевающее поочередное и совместное пропевание стихов одного произведения, и «*состязание в пении*», т. е. поочередное исполнение разных рун в целях выявления лучшего рунопевца.

Сольное пение – это наиболее универсальный, чаще встречающийся и дольше сохранившийся способ исполнения рун. Он практиковался в часы досуга, во время обычных домашних дел (починки сетей, прядения, вязания, строгания), в перерывах на охоте, рыбалке, сенокосе, разделывании пожоги, позже (в советское время) – и при укладывании детей.

Торжественное мужское рунопение вдвоем встречалось по праздникам и при большом скоплении народа. Двое мужчин старшего возраста, один из которых главный певец, второй – подпевающий, сидя рядом друг с другом и объединив, как правило, правые руки, исполняли руну таким образом, что подпевающий повторял каждый стих, пропетый главным певцом. Частью церемонии являлось испытание напитка из одной чаши, чтобы, говоря словами из руны, «зазвенеть могло сухое горло». Второй вариант мужского рунопения вдвоем представляет собой состязание в пении между рунопевцами разных деревень, являющееся частью древних календарных ритуалов.

Сольное пение и торжественное рунопение вдвоем могли сопровождаться игрой на кантеле, что является, скорее, исключением из традиции. В поздний период бытования пение под аккомпанемент кантеле было вызвано к жизни сценическим исполнением руны.

Благодарности

Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (№ 124022000077-1).

Acknowledgements

The study was carried out under state order (project № 124022000077-1).

Сокращения

SKVR – Suomen kansan vanhat runot. Ä. 1–15. Helsinki: SKST, 1908–1997.

Литература

- Иванова, Миронова 2023 – *Иванова Л.И., Миронова В.П.* Карельские руны как объект нематериального культурного достояния: традиционные и современные формы популяризации жанра // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 11–22.
- Конкка, Конкка 2010 – *Конкка У.С., Конкка А.П.* Архиппа Перттунен и Элиас Лённрот: так создавалась «Калевала» // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 86–96.
- Кундозерова 2025 – *Кундозерова М.В.* Современное рунопение в Карелии и Финляндии // Шаги/Steps. 2025. Т. 11. № 1. С. 130–153.
- Куусинен 1950 – *Куусинен О.В.* «Калевала» – эпос карело-финского народа // Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы» / Карело-Финский филиал Академии наук СССР, Институт истории, языка и литературы; [под. ред. В.Г. Базанова]. Петрозаводск: Кн. тип. Полиграфиздата при Совете Министров КФССР, 1950. С. 6–39.
- Лавонен 2020 – *Лавонен Н.А.* Фольклорное наследие кестеньгских карел // Песенный фольклор кестеньгских карел = Kiestingin kanšanlauluja / сост. Н.А. Лавонен. Петрозаводск: Periodika, 2020. С. 10–75.
- Михайлова 2019 – *Михайлова Н.С.* Традиционные музыкальные инструменты // Народы Карелии: историко-этнографические очерки / Российская академия наук, Карельский научный центр, Институт языка,

- литературы и истории; отв. ред. И.Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. С. 261–268.
- Петров 2023 – *Петров Н.В.* Эпические сказители: сценарии обретения мастерства // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 4. С. 100–116.
- Энъярви-Хаавио 2024 – *Энъярви-Хаавио Э.* Мы положим руку в руку: о способах исполнения финских народных рун / пер. с фин. яз., вступ. ст., примеч. М.В. Кундозеровой. Ч. 1. СПб.: Пропповский центр, 2024. 112 с.
- Briggs, Bauman 1992 – *Briggs Ch., Bauman R.* Genre, intertextuality, and social power // *Journal of Linguistic Anthropology*. Vol. 2. No. 2. 1992. P. 131–172.
- Enäjärvi-Haavio 1949 – *Enäjärvi-Haavio E.* Pankame käsi kätehen: Suomalaisten kansanrunojen esittämistavoista. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1949. 216 s.
- Kajanto 1983 – *Kajanto I.* Johdanto // Porthan H.G. Suomalaisesta kansanrunoudesta / Kääntänyt ja johdannon kirjoittanut I. Kajanto. Vaasa: Vaasan Oy:n kirjapaino, 1983. S. 9–31.
- Salminen 1934 – *Salminen V.* Suomalaisten muinaisrunojen historia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1934. 366 s.
- Siikala 2012 – *Siikala A.-L.* Itämerensuomalaisten mytologia. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2012. 536 s.
- Väisänen 1948 – *Väisänen A.O.* Kalevalanmittallisten runojen esitystavat // Kalevalaseuran vuosikirja. Ä. 27–28. Porvoo: WSOY, 1948. S. 184–243.
- Virtanen 1967 – *Virtanen L.* Kalevalainen laulutapa Karjalassa. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1967. 82 s.

References

- Briggs, Ch. and Bauman, R. (1992), “Genre, intertextuality, and social power”, *Journal of Linguistic Anthropology*, vol. 2, no. 2, pp. 131–172.
- Enäjärvi-Haavio, E. (1949), *Pankame käsi kätehen: Suomalaisten kansanrunojen esittämistavoista*, Werner Söderström Osakeyhtiö, Porvoo, Finland.
- Enäjärvi-Haavio, E. (2024), *My polozhim ruku v ruku: o sposobakh ispolneniya finskikh narodnykh run* [Let's put our hands together: about the methods of performing Finnish folk runes], part 1, Proppovskii tsentr, Saint Petersburg, Russia.
- Ivanova, L.I. and Mironova, V.P. (2023), “Karelian rune songs as intangible cultural heritage: Traditional and modern forms of popularizing the genre”, *Traditsionnaya kul'tura*, vol. 24, no. 3, pp. 11–22.
- Kajanto, I. (1983), “Johdanto”, in Porthan, H.G., *Suomalaisesta kansanrunoudesta*, Vaasan Osakeyhtiön kirjapaino, Vaasa, Finland, pp. 9–31.

- Konkka, U.S. and Konkka, A.P. (2010), “Arhippa Perttunen and Elias Lönnrot: this is how the Kalevala was created”, *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, no. 4, pp. 86–96.
- Kundozerova, M.V. (2025), “Modern runosing in Karelia and Finland”, *Shagi/Steps*, vol. 11, no. 1, pp. 130–153.
- Kuusinen, O.V. (1950), “Kalevala – the epic of the Karelian-Finnish people”, in Bazanov, V.G., ed., *Trudy yubileinoi nauchnoi sessii, posvyashchennoi 100-letiyu polnogo izdaniya «Kalevaly»* [Proceedings of the jubilee scientific session dedicated to the 100th anniversary of the complete publication of the “Kalevala”], Knizhnaya tipografiya Poligrafizdata pri Sovete Ministrov KFSSR, Petrozavodsk, USSR, pp. 6–39.
- Lavonen, N.A. (2020), “Folklore heritage of the Kestenga Karelians”, in Lavonen, N.A., comp., *Pesennyi fol’klor kesten’gskikh karel = Kiestingin kanšanlauluja* [Song folklore of the Kestenga Karelians], Periodika, Petrozavodsk, Russia, pp. 10–75.
- Mikhailova, N.S. (2019), “Traditional musical instruments”, in Vinokurova, I.Yu., ed., *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: historical and ethnographic essays], Periodika, Petrozavodsk, Russia, pp. 261–268.
- Petrov, N.V. (2023), “Singers of epic tales. Scenarios of gaining mastery”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 100–116.
- Salminen, V. (1934), *Suomalaisten muinaisrunojen historia*, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, Finland.
- Siikala, A.-L. (2012), *Itämerensuomalaisten mytologia*, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, Finland.
- Väisänen, A.O. (1948), “Kalevalanmitallisten runojen esitystavat”, *Kalevala-seuran vuosikirja*, Å. 27–28, WSOY, Porvoo, Finland, pp. 184–243.
- Virtanen, L. (1967), *Kalevalainen laulutapa Karjalassa*, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, Finland.

Информация об авторе

Мария В. Кундозерова, кандидат филологических наук, Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Россия; 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11; maria.vlasova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5423-8709

Information about the author

Maria V. Kundozerova, Cand. of Sci. (Philology), Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, Russia; 11, Pushkinskaja St., Petrozavodsk, Russia, 185910; maria.vlasova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5423-8709